

В тот день, когда Цзян Жань оказалась в звёздную эру, — если хорошенько подумать, — не было ничего особенного. Она, как всегда, рано встала, почистила зубы, умылась, приготовила завтрак, привела себя в порядок и вышла из дома.

Улицы были привычными: асфальт, пахнувший в солнечную жару. Пройдя прямо, свернув налево и миновав три поворота, она оказалась у отеля, где работала шеф-поваром. На улице гудели машины, спешили люди, над лотками с завтраками клубился пар, застилая лица прохожих.

Всё было до боли знакомо. Настолько, что, когда она необъяснимым образом перенеслась в куда более развитую звёздную эпоху, в голове у неё не прекращался тот день. Она думала и думала, но так и не смогла понять: почему, просто идя привычной дорогой, она больше не смогла вернуться домой?

В который раз она перебирала в памяти детали того дня, но не находила ни одной причины для своего невероятного перемещения. Сидя на диване, Цзян Жань в сотый раз смотрела в окно сквозь полностью прозрачную стену. Пришлось привыкать: за окном был не тот вид, к которому она привыкла за двадцать пять лет. Первым делом взгляд наткнулся на небо — такое, какое с земли не увидишь. Обычно небо далёкое, а отсюда казалось близким. Цзян Жань понимала: всё из-за высоты здания. Она с тоской смотрела в окно, потом тихо вздохнула, её карие глаза недовольно прищурились.

Такие высотки были и в её XXI веке, но их можно было пересчитать по пальцам, и они считались чудом архитектуры. Здесь же они стояли повсюду, и многие из них были уже не коммерческими, а жилыми.

Цзян Жань жила на верхнем этаже одного из таких зданий. Первую неделю она провела в панике. Всё вокруг было чужим, вызывало страх и тревогу. Память, внезапно нахлынувшая на неё, принадлежала не ей, и это надолго выбило её из колеи. Будто заставили заново прожить чужую жизнь — бегло, но этого хватило, чтобы потрясти до глубины души. Первые дни она просто сидела или лежала, ничего не делая, только впитывая обрушившиеся на неё воспоминания.

Через три дня голод стал невыносимым, и к ней вернулась толика рассудка. Руководствуясь памятью, она нашла в «своём» доме питательный раствор, которым здесь повсеместно питались. Выпив его, она постепенно начала смиряться с реальностью.

Хочешь ты того или нет, веришь или нет, — она оказалась в другом времени, в теле другого человека. По злой иронии судьбы, этого человека тоже звали Цзян Жань, но она была на пять лет моложе своей двадцатипятилетней тезки. Они были похожи, только новая Цзян Жань выглядела моложе. На этом сходство заканчивалось.

Эта Цзян Жань была слабой.

Она родилась в богатой семье, чьи предки были среди первых сторонников федеративного строя. За сотни лет клан Цзян разбогател, не имея политической власти, но владея множеством прибыльных предприятий. Казалось бы, Цзян Жань родилась под счастливой звездой. Но... не всё было так просто.

Её отца звали Цзян Чань. У него было два старших брата и младшая сестра. Он не был ни любимцем семьи, ни тем, кого особенно уважали. В молодости, отказавшись от брака по расчёту, его отослали на далёкую планету, подальше от столичной. Маленькая Цзян Жань, тогда ещё ребёнок, уехала с ним. Они жили там, пока ей не исполнилось восемнадцать, а потом

её внезапно вернули обратно.

Но Цзян Чань с ней не поехал.

На столичной планете Цзян Жань не поселили в поместье клана Цзян, а выделили ей жильё здесь. Семья устроила её в Федеральный университет — в этом отношении они не поскупились. Многие её братья и сёстры тоже там учились. С точки зрения преподавателей и будущих перспектив это был лучший вуз Федерации.

Но... он был слишком хорош для неё.

Училась Цзян Жань неважно, и она с детства любила древнюю культуру, мечтая поступить в университет и изучать её. Однако семья запихнула её на факультет иностранных языков Федерального университета, хотя она с трудом справлялась даже с одним языком, а здесь их было несколько. Из-за этого жизнь её превратилась в муку. К тому же, студенты, похоже, знали о происхождении новенькой и намеренно её избегали. За два года учёбы она не нашла настоящих друзей, зато успела завести несколько ненадёжных парней и девушек. Если бы не её природная осторожность, она бы уже давно оказалась в центре скандала.

Перебирая в памяти эти воспоминания, Цзян Жань без энтузиазма открыла бутылку с питательным раствором. Та несчастная, которую травили два года, так и не поняла, в чём причина. Но Цзян Жань, просмотрев память, смутно догадывалась: дело было в ком-то из клана Цзян. Но зачем? Они же одной крови. Пусть её отец и не был любимчиком, но зачем ей-то создавать проблемы?

Сделав несколько глотков, Цзян Жань с отвращением поморщилась. Если пить это как напиток — терпимо, но питаться каждый день... от этого зубы сводит. Невообразимо, но многие здесь ели только это. Даже на её кухне — вернее, там, где кухни не было — хранились только эти бутылки.

Отложив мысли о клане, она задумалась: а не обустроить ли ей кухню?

Она начала готовить с десяти лет. Два года мыла овощи, пять — резала, в семнадцать впервые взяла в руки поварской нож. К двадцати пяти она уже управляла отелем и получала восторженные отзывы, как вдруг оказалась здесь.

Сидя на невероятно мягком диване, она после долгих колебаний открыла фотонный компьютер прежней хозяйки тела и выбрала опцию покупок. На возникшем голографическом экране она начала искать кухонную утварь.

Вскоре выяснилось: хотя сейчас люди редко готовят, на рынке всё ещё есть полный ассортимент кухонных принадлежностей. Помимо привычных ей инструментов, здесь были и новинки, вроде автоматической овощерезки, которая, судя по видео, могла нарезать овощи кубиками или мелко шинковать с идеальной точностью. Были и другие машины, о которых раньше только мечтали.

Бегло просмотрев список необходимого, она в конце концов закрыла экран. Дело было не в том, что она не могла себе этого позволить, а в том, что, возможно, у неё ещё был шанс вернуться?

Оглядев комнату, наполненную незнакомыми высокотехнологичными вещами, она снова погрузилась в уныние. Это не был её дом, не место, где она выросла. Она оказалась здесь не по своей воле, и даже память прежней хозяйки не делала её своей.

— Может быть... завтра я проснусь... и окажусь дома? — прошептала она, сжавшись в комочек на диване.

.....

Планы по обустройству кухни были отложены. Будто наказывая себя, она продолжала пить всё более противный питательный раствор, не выходя из дома, который первой увидела в этом мире. Она не ходила на улицу, не посещала занятия, отвергала всё вокруг, но при этом боялась умереть с голоду — ведь она не умерла, чтобы попасть сюда, и боялась, что смерть здесь станет окончательной.

Так она просидела две недели, пока в университете не заподозрили неладное. Сначала ей прислали письмо, потом, не получив ответа, позвонили. Она отбрехала парой фраз, и, поскольку на видео выглядела неважно, ей поверили и дали ещё неделю отпуска по болезни.

<http://bllate.org/book/15936/1424293>